

Дядя Кан сказал Нин Цюяню, что они гнались за несколькими оленями.

Когда они вернулись в дом, люстру уже опустили вниз, и служанка как раз зажигала свечи на её кольцах.

Натёртый до блеска тёмный деревянный пол, оконные стёкла, фарфор и металлические рамы картин — всё мягко отражало тёплый свет свечей, так что казалось, будто время повернуло вспять и они очутились в Средневековье.

Люди ходили туда-сюда, все были заняты, и чем дальше, тем сильнее. Нин Цюянь даже не понял, в каком именно зале находится, только слышал, как дядя Кан распорядился немедленно отправить людей проверять электростанцию.

На острове всё было устроено автономно, в том числе и собственная система электроснабжения, так что отключения случались крайне редко.

Из обрывков разговоров он понял: сильным ветром повалило дерево, и оно оборвало где-то провода.

Кто-то подобрал в лесу его рюкзак и футляр с гитарой и принёс обратно. Рюкзак уже промок, а футляр оказался водонепроницаемым. Присев на корточки, Нин Цюянь принялся проверять, цела ли гитара.

Услышав про оленей, он удивлённо обернулся:

— Оленями?

— Да, — подтвердил дядя Кан. — На острове вообще много диких животных, но в основном травоядные: олени, коровы, зайцы... У семьи Гуань есть и собственная ферма с домашним скотом.

Но нынешней ночью, по его словам, никто не охотился — всё вышло случайно.

Из-за ветра дерево рухнуло не только на линию электропередачи, но и вспугнуло несколько оленей, которые зимовали в лесу. В панике они помчались куда глаза глядят, а потом, привлечённые светом, влетели прямо в особняк. Там они успели всё перевернуть и в конце концов вынесли стекло в окне.

И только потому, что они ранили человека, пришлось взяться за охотничьи ружья.

Ранили человека?

Нин Цюянь невольно напрягся, вспомнив кровь на снегу и тот страшный крик.

— Одному кухонному помощнику олень рогом проткнул бок. Довольно серьёзно, — сказал дядя Кан. — Крови он потерял много. — Тихо вздохнув, он добавил: — Такого здесь не случилось уже много лет. Этой ночью не только ты — никто не смог спать спокойно.

При таком происшествии вся прислуга наверняка металась как в огне.

Теперь становилось понятно, почему в доме он не встретил ни души, а люди обнаружались уже снаружи.

— Хорошо ещё, что ты столкнулся с нашим господином, — продолжал дядя Кан. — Иначе в такую стужу, если бы ты случайно провалился в озеро, пришлось бы тебе худо. Ледяная вода сразу бы обожгла кожу.

— Тот человек... это был господин Гуань? — спросил Нин Цюянь.

— Разумеется, — ответил дядя Кан. — По-моему, перепутать его с кем-либо невозможно.

Хотя Нин Цюянь и сам уже догадался, всё равно это казалось невероятным.

Когда он выбежал наружу, на нём не было даже пальто, а на ногах — одни домашние тапочки.

Пробежав столько по снегу, он уже насквозь промок: и одежда, и обувь пропитались ледяной водой. Его трясло, губы посинели, и он обеими руками судорожно сжимал куртку, которую на него накинул дядя Кан.

Но в снегу он видел Гуань Хэна — и на нём одежды было ещё меньше.

Нин Цюянь прекрасно помнил его открытую шею, голые щиколотки, белеющие в ночном холоде. Да обычный человек в таком виде уже дрожал бы всем телом. Неужели тяжело больному и впрямь ничего не будет?

Как ни думай, ответа не находилось.

По дороге обратно в комнату дядя Кан сказал, чтобы он не боялся: самое позднее к утру электричество уже вернут.

А у самой двери добавил:

— Сегодня мы действительно недоглядели. Но если ночью снова что-нибудь случится, больше

не выбегай сломя голову. Остров огромный, и кроме нас здесь никто не живёт — куда бы ты вообще убежал? А если бы и правда затерялся, мы ещё не факт, что сумели бы тебя найти.

У Нин Цюяня вспыхнули щёки. Он не считал, что поступил неправильно, но и ответить ему было нечего.

Иногда человек, сделав по сути правильный выбор, всё равно совершает ошибку.

У глаз дяди Кана собрались добрые морщинки.

— Но ты смелый, — с улыбкой сказал он. — Среди ночи, в такой снег и ветер... Когда я только приехал на остров, был примерно твоего возраста. Попади я в такую ситуацию — ни за что бы не решился выбежать наружу.

— Вы приехали сюда ещё молодым? — спросил Нин Цюянь.

— Почти пятьдесят лет назад, — ответил старик, мягко улыбаясь. — В этом доме каждая кирпичная кладка, каждая черепица, каждое дерево и каждая травинка на острове знакомы мне лучше, чем кому-либо ещё.

Горячей воды после отключения не было. Вернувшись к себе, Нин Цюянь только наскоро стянул мокрую одежду, кое-как вытерся и, дрожа, забрался под одеяло.

После ночного бегства он лежал в постели совершенно бодрый — сон как рукой сняло.

Думая над словами дяди Кана, он вдруг заметил одну странность: Гуань Хэн купил остров Ду всего два года назад, а дядя Кан сказал, что живёт здесь уже пятьдесят лет. Значит, он работал на острове ещё до нынешнего владельца?

Нин Цюянь смотрел в потолок и мысленно окидывал взглядом весь этот дом. Тогда неудивительно, что снаружи он казался таким старым — выходит, особняк стоял на острове уже очень давно.

Когда под одеялом наконец стало тепло, Нин Цюянь несколько раз перевернулся с боку на бок, а потом спрятался с головой и достал телефон.

Он успел пройти всего три уровня своей усыпляющей головоломки, когда в дверь постучали.

Служанка принесла ему наушники — сказала, что это от господина Гуаня.

Нин Цюянь стоял на пороге, а на щеке у него ещё оставался красный след от подушки.

— От господина Гуаня?

Служанка, держа в руке свечу, кивнула:

— Да.

— Но почему он прислал мне наушники? — не понял Нин Цюянь.

Служанка вежливо ответила:

— Господин велел передать: если вы не можете уснуть, попробуйте включить через наушники спокойную музыку — тогда, скорее всего, уснёте быстрее.

Закрыв дверь, Нин Цюянь ещё с минуту или две стоял в полном недоумении, прежде чем открыл коробочку.

Наушники были новыми, а индикатор горел ровным зелёным светом полного заряда.

Похоже, у Гуань Хэна была привычка делать людям подарки.

Но они ведь даже знакомы толком не были. И если уж дарить что-то среди ночи, то почему именно наушники?

На экране телефона всё ещё оставалась открытой игра.

Одна мысль вдруг вспыхнула в голове, и Нин Цюянь ошеломлённо застыл.

Во время ужина служанка говорила дяде Кану, что днём Гуань Хэн плохо поспал, потому что его побеспокоили, — и отдельно упомянула, что он спал в южной комнате.

Комната Нин Цюяня тоже находилась на южной стороне второго этажа.

А значит... это могло означать, что Гуань Хэн спал прямо над ним, этажом выше.

В темноте Нин Цюянь несколько раз прошёлся по комнате, подсвечивая себе телефоном и изучая устройство дома.

Убедившись, что стены здесь толстые и должны хорошо глушить звук, он даже попытался найти вентиляционные шахты — такие, какие обычно показывают в кино, — но вдруг остановился.

Не слишком ли он подозрителен?

Даже если он и правда весь день играл в комнате в свою головоломку, да ещё и со звуком, выкрученным всего наполовину, неужели кто-то мог слышать звуки игры через целый этаж?

Нин Цюянь снова лег в мягкую постель.

Перед глазами всплыли те чёрные, как глубокий омут, глаза — и тихий огонёк, таившийся в них.

Нин Цюяня разбудил свет.

Ночью он нажал на выключатель у изголовья — и теперь лампа наконец запоздало откликнулась: электричество восстановили.

Он ещё немного полежал, приходя в себя и убеждаясь, что всё произошедшее ночью ему не приснилось. Потом почувствовал, как в пятке покалывает. Сев на кровати, он осмотрел ногу и обнаружил маленькую деревянную занозу — видимо, в лесу вонзилась, а он ночью даже не заметил.

Он повозился, вытаскивая её, и из крошечной ранки тут же выступила бусинка крови.

Простыня была белоснежной, и, боясь испачкать её, Нин Цюянь запрыгал на одной ноге к столику и вытер кровь салфеткой.

Раздвинув шторы, он увидел, как вдалеке кто-то катит тележку.

Снег уже перестал идти, и за ночь намело толстый слой.

Колёса оставляли на белой поверхности две длинные борозды.

С края тележки свисал олений рог; возможно, там везли окоченевшую тушу. Среди наваленного внутри смутно угадывались кровавые, бесформенные куски — не то кишки, не то внутренности. Зрелище было жуткое.

Нин Цюянь смотрел до тех пор, пока человек не укатил тележку в тот самый лес, куда он вчера ночью убежал.

В комнату пришёл дядя Кан и извиняющимся тоном сообщил, что сегодня утром Нин Цюяню нельзя завтракать — потому что ему предстоит сдать кровь для Гуань Хэна.

Об этом врач предупредил его ещё вчера, так что, значит, анализы уже подтвердили пригодность его крови.

— Тебе ещё нужно принять душ, — сказал дядя Кан. — Господин очень чувствителен к запахам.

Нин Цюянь две ночи подряд почти не спал и к тому же был голоден, так что выглядел бледным и осунувшимся, а голова у него слегка гудела.

Услышав это, он тут же опустил голову и понюхал себя.

От него пахло?

Но дядя Кан, мягкий, как всегда, всё же не оставлял места для отказа — это было не предложение, а распоряжение:

— Я велю приготовить тебе сменную одежду.

Сказав это, он вышел.

Нин Цюянь ещё раз понюхал свою одежду, потом — руки, подмышки, и пришёл к выводу, что вообще-то он вполне чистый.

Но раз уж деньги заплачены, значит, нужно по возможности сотрудничать, — с этой мыслью он всё же пошёл мыться.

Натягивая другую одежду, Нин Цюянь вдруг вспомнил вчерашний вегетарианский ужин.

Сначала постная пища, потом омовение перед встречей.

Это всё очень напоминало древние обряды очищения перед жертвоприношением.

Нин Цюяню даже показалось, что и сам он сейчас ведёт себя как жертва, приготовленная для ритуала.

Он прибыл с материка на остров посреди моря, прошёл все приготовления — во всём этом было слишком много церемониальности.

Впервые в жизни он ощутил, что в его жилах течёт какая-то особенная кровь, способная кому-то по-настоящему помочь.

Он не стал тянуть. Когда Нин Цюянь вышел, дядя Кан всё так же терпеливо ждал его у двери.

— Прошу, пойдём со мной.

В коридоре снова горел свет, и все шторы опять были плотно задёрнуты.

Стоило наступить дню — и дом снова принимал тот вид, который больше подошёл бы ночи.

Они поднялись на третий этаж — в личные владения Гуань Хэна.

Ничего особенно странного здесь не было. Разве что планировка казалась просторнее, чем внизу. Перед глазами был только небольшой салон для приёма гостей и одна плотно закрытая дверь.

— Доктор ещё не пришёл, — сказал дядя Кан. — Но перед тем как начать, господин хочет сначала с тобой поговорить.

На концах волос Нин Цюяня ещё поблёскивала влага. Он растерянно спросил:

— О чём?

— Просто заходи.

Дверь была белая, двустворчатая, со старыми бронзовыми ручками, отполированными до гладкости чужими руками. В их смутном блеске расплывчато отражалась его фигура.

От прикосновения металл оказался холодным. Нин Цюянь осторожно толкнул дверь.

Перед ним открылось огромное помещение.

Комната была размером почти с целый зал. Насколько хватало взгляда, нигде не было ни техники, ни каких-либо медицинских приборов, каких ожидаешь увидеть у тяжёлого больного.

Всюду лежали мягкие ковры. Мебели было немного, но вся — добротная, дорогая. Вещи стояли чуть беспорядочно, по-жилому, и при этом во всём чувствовалась естественная, не нарочитая роскошь.

Здесь было очень темно. Под потолком тихо светилась лишь одна люстра. Похоже, хозяин совсем не любил дневной свет: как и в остальном доме, шторы в комнате были плотно задёрнуты.

И тут за его спиной вдруг тихо закрылась дверь. Нин Цюянь вздрогнул.

Это дядя Кан оставил их наедине.

— Садись.

Мужской голос раздался в комнате неожиданно — тот самый, что Нин Цюянь слышал ночью.

Он снова невольно вздрогнул, огляделся и понял, что голос доносится из-за деревянной ширмы медового оттенка.

Слышать человека и не видеть его было неловко, поэтому Нин Цюянь так и остался стоять на месте:

— Здравствуйте, господин Гуань.

В углу, в вазе высотой почти по пояс, стоял засохший тростник.

Нин Цюянь не знал, куда деть взгляд, и уставился на него. И в следующую секунду услышал вопрос Гуань Хэна:

— Как тебя зовут?

Нин Цюянь удивился. Выходит, Гуань Хэн до сих пор даже не знал имени своего донора.

Он-то думал, тот хотя бы ознакомился с его данными.

— Нин Цюянь. «Цю» — как осень, «янь» — как тушечница, — сухо представился он. И тут же добавил: — Спасибо, что спасли меня вчера ночью.

Слова отзвучали — и в комнате надолго воцарилась тишина.

В неподвижном полумраке Нин Цюянь слышал только собственное негромкое дыхание.

— А бежал ты вчера быстро.

Голос Гуань Хэна приблизился.

Нин Цюянь обернулся — как раз вовремя, чтобы увидеть, как тот выходит из-за ширмы.

Похоже, Гуань Хэн только что встал.

Он оказался ещё выше, чем Нин Цюянь запомнил. Гладкие длинные волосы небрежно рассыпались по плечам и спине, пояс халата был завязан свободно, и весь его вид дышал ленивой расслабленностью.

Но больше всего Нин Цюяня поразила кожа Гуань Хэна.

Она была очень бледной — бледнее, чем у кого-либо из всех, кого Нин Цюянь когда-либо встречал. Эта белизна уже не казалась просто светлой — она выглядела болезненной.

Если после их ночной встречи Нин Цюянь ещё думал, что болезнь Гуань Хэна, возможно, не так уж серьёзна, то теперь почти не сомневался: тот действительно тяжело болен.

У обычного человека не бывает такого цвета лица.

Теперь Нин Цюянь мог рассмотреть его гораздо лучше, чем вчера ночью.

Глаза у Гуань Хэна были тёмные, красивые, но в чуть приподнятых уголках таился холодок, почти жестокий, так что долго смотреть на него было трудно.

— Если ты передумал, я велю отвезти тебя обратно, — сказал Гуань Хэн, подходя к низкому шкафчику и доставая стеклянный бокал. — Не нужно заставлять себя.

В эту минуту взгляд Нин Цюяня почему-то был прикован к его пальцам.

Гуань Хэн открыл холодильник, вынул бутылку с тёмно-красной жидкостью — чем-то вроде вина — и налил немного в бокал. Бледные длинные пальцы и густой алый цвет внутри стекла создавали поразительно резкий контраст.

Кто вообще пьёт красное вино с самого утра?

Нин Цюянь ещё не успел ответить, а Гуань Хэн, обернувшись, уже чуть замедлил движение и понимающе спросил:

— Ты принимал душ?

Это из-за запаха геля для душа?

Сам Нин Цюянь ничего на себе не чувствовал.

Фраза была самой обычной, но от самой причины вопроса ему почему-то стало неловко.

— Да.

Ему слишком нужны были деньги.

Свет мягко ложился на резкие, глубокие черты лица Гуань Хэна. На вид тому было не больше двадцати пяти или двадцати шести лет. Значит, два года назад он был ещё моложе, чем думали люди.

Такой молодой, уже владеющий такими богатствами — и при этом изъеденный болезнью.

Даже Нин Цюяню стало его жаль.

— Уходить ты не собираешься, — легко подвёл итог Гуань Хэн. — Забудь, что я сказал.

Он пересёк комнату по ковру и лениво опустился в высокое кресло из чёрного бархата. Потом поднял взгляд на Нин Цюяня, и в этом взгляде вдруг мелькнула неожиданная мягкость.

— Подойди. Я хочу на тебя посмотреть.

Нин Цюянь сделал несколько шагов, решив, что его, наверное, собираются пригласить присесть.

Но когда он подошёл ближе, Гуань Хэн указал на место у подлокотника:

— Ниже.

И тогда Нин Цюянь присел рядом, а Гуань Хэн склонился над ним и стал разглядывать сверху вниз.

Те чёрные, словно залитые тушью глаза были непроницаемы. И, быть может, это была только игра света, но в самой глубине зрачков словно проступал тонкий красноватый ободок — от этого становилось не по себе.

В полумраке одна прядь его чёрных волос соскользнула вниз и коснулась щеки Нин Цюяня.

Тот невольно моргнул.

— А теперь ответь мне, Нин Цюянь, — серьёзно спросил Гуань Хэн, не сводя с него глаз. — Ты

уже совершеннолетний?

И в этот миг у Нин Цюяня внезапно зазвонил телефон.

<http://bllate.org/book/17881/1710736>